

РАКОВИННАЯ КУЧА ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСТРОВЕ ШИКОТАН

(К ПРОБАЕМАМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КУРИЛЬСКИХ
ОСТРОВОВ).

А.Б.Спеваковский

Среди многих проблем этнической истории айнского этноса особое место занимают его взаимоотношения с носителями охотской культуры, которая явилась результатом слияния местной неолитической культуры с культурными традициями пришлого населения. Появление этой культуры было обусловлено новой волной иноэтничного населения, проникшего на рубеже новой эры на островные территории Дальнего Востока из материковых районов Северной Азии. Миграции на острова севера Тихоокеанского бассейна с континента были в общих чертах единовременными проникновению в Японию предков современных японцев, осуществлявшемся в основной массе через Корейский полуостров в юго-западные районы архипелага, и зависели, очевидно, от ряда одних и тех же демографических и этнических процессов во внутренних областях Азиатского континента. Контакты аборигенных айнских жителей с представителями материковых общностей были довольно длительными, носили сложный характер и оказали влияние на дальнейшее формирование и развитие локальных групп айнского этноса.

Охотская культура получила распространение с конца I тыс. до н.э. по II тыс. н.э. на Сахалине, севере Хоккайдо и Курильских островах. Зарождение охотской культуры началось на Сахалине, где отмечены ее наиболее ранние памятники, относящиеся к последним векам до новой эры (Васильевский, Голубев, 1976). Более поздние стоянки были отмечены на Хоккайдо и Курилах. На Хоккайдо они датируются в одних работах примерно 3–12 вв. н.э. (Aikens, Higuchi, 1982), в других — 5–13 вв. н.э. (Симпо-

дзиуму охоцуку бунка, 1982). Охотская культура была сориентирована в основном на приморский образ жизни — морской зверобойный промысел, рыболовство и собирательство в шельфовой зоне.

Носители охотской культуры и предки айнов стояли приблизительно на одном и том же уровне социально-экономического развития. Столкновения между ними на этнической почве, возможно, происходили, но в общем отношения охотцев и предков айнов носили характер сосуществования и взаимовлияния культур. Свидетельством этому — параллельное развитие в 1 тыс. н.э. в тех же районах культуры сацумон, которую ученые непосредственно связывают с древнеайнской общностью. Может быть, именно поэтому в некоторых вариантах охотская культура была близка к культуре предков айнов дзёмон. Многие элементы этих традиций почти идентичны. От предков айнов охотцы, очевидно, заимствовали производство керамики, внося в эту традицию свои особенности (см.: Фудзимото, 1966; Ои, 1973; Маэда, 1982 и др.). Вместе с тем, по антропологическим особенностям охотцы существенно отличались от айнского населения, показывая тяготение к континентальным монголоидам. В связи с этим одной из главных задач изучения айнской этнической истории является определение расовой и этнической принадлежности носителей охотской культуры, пришедших в соприкосновение с предками айнов. Однако данная проблема чрезвычайно сложна потому, что локальные варианты охотской культуры до настоящего времени изучены не в равной степени. Основная масса палеоантропологического и палеоэтнографического материала охотской культуры была получена при раскопках ее памятников на севере Японии, изученной в археологическом отношении намного лучше, чем сопредельные территории. В пределах российского Дальнего Востока многие памятники охотской культуры остаются еще не исследованными или изучены недостаточно. Собрано слишком мало палеоантропологических материалов. Это мешает составить

целостную картину антропологического состава носителей охотской культуры, распространения и развития культурных традиций охотцев. Исследование осложняется также тем, что обе этнические общности являлись бесписьменными этносами.

Существование охотской культуры в течение более чем тысячи лет не дает основания полагать, что ее носители были на разных временных отрезках истории однородны в этническом отношении. Скорее всего, неизменной оставалась лишь древнеайнская основа, которая с течением времени оказывала ассимиляционное и аккультурирующее воздействие на различные группы иноэтнического населения, проникавшего с материка. Совершенно очевидно, что нельзя идентифицировать, к примеру, охотцев с Сахалина конца 1-го тысячелетия до н.э. и охотцев севера Хоккайдо начала II тыс. н.э. В этом отношении (хотя в элементах культуры отмечается некоторое сходство) при отсутствии достаточного количества палеоэтнографической и палеоантропологической информации объединение населения двух территорий различных временных периодов под одним названием, возможно, не правомерно. Скорее всего, речь может идти о круге культур охотского типа и о весьма условной этнической однородности населения.

Кроме проблемы расовой и этнической принадлежности носителей охотской культуры, существуют и другие вопросы, требующие разрешения. Не совсем ясны, в частности, пути проникновения охотцев на отдельные островные территории Дальнего Востока. Должны быть проверены и уточнены датировки отдельных памятников и, соответственно, хронология культуры в целом.

В связи с вышеизложенным на южной части Курильских островов в районах распространения охотской культуры было решено провести исследования с целью получения охотских краниологических серий и палеоэтнографических материалов.

Исследования, организованные Ленинградской частью Института этнографии АН СССР (ныне Научно-исследовательский институт “Музей антропологии и этнографии” Российской академии наук), были начаты на о. Шикотан и проводились в период с 1985 по 1987 гг. В ходе разведки 1985 г. на юго-западе острова, в бухте “Дельфин”, была обнаружена долговременная стоянка древних собирателей, рыболовов и охотников на морского зверя, относящаяся к охотской культуре. Разведка и последующее изучение стоянки дали многочисленные и разнообразные данные, позволяющие реконструировать особенности образа жизни, хозяйственную деятельность, материальную и духовную культуру охотничье-собирательского населения островной части севера Тихоокеанского бассейна, жившего здесь в древности. Наряду с палеоэтнографическими особое значение имеют обнаруженные при раскопках палеоантропологические материалы. По сути дела, эти находки представляют собой первую древнюю краниологическую коллекцию с Курильских островов, в чем и заключается основная ценность памятника для науки.

Стоянка находится приблизительно в 2-х км на удалении от океана у подножья сопки, на косе, относительно ровной площадке, защищенной рельефом местности и конфигурацией бухты от прямого воздействия ветров с океана и цунами (рис. 1).

Многочисленные каменистые пляжи бухты были удобны для морских животных, некоторые виды которых (нерпа) до сих пор водятся на острове. Воды бухты изобилуют рыбой лососевых пород, идущей в конце лета-осенью на нерест. В непосредственной близости от стоянки находятся массивы леса, где ее обитатели могли охотиться на лесного зверя и птицу, а также заниматься собирательством. Сбор продуктов моря был возможен как в пределах самой бухты, так и на литорали близлежащих участков побережья, где добывались морская капуста, крабы, иглокожие и моллюски. Поблизости

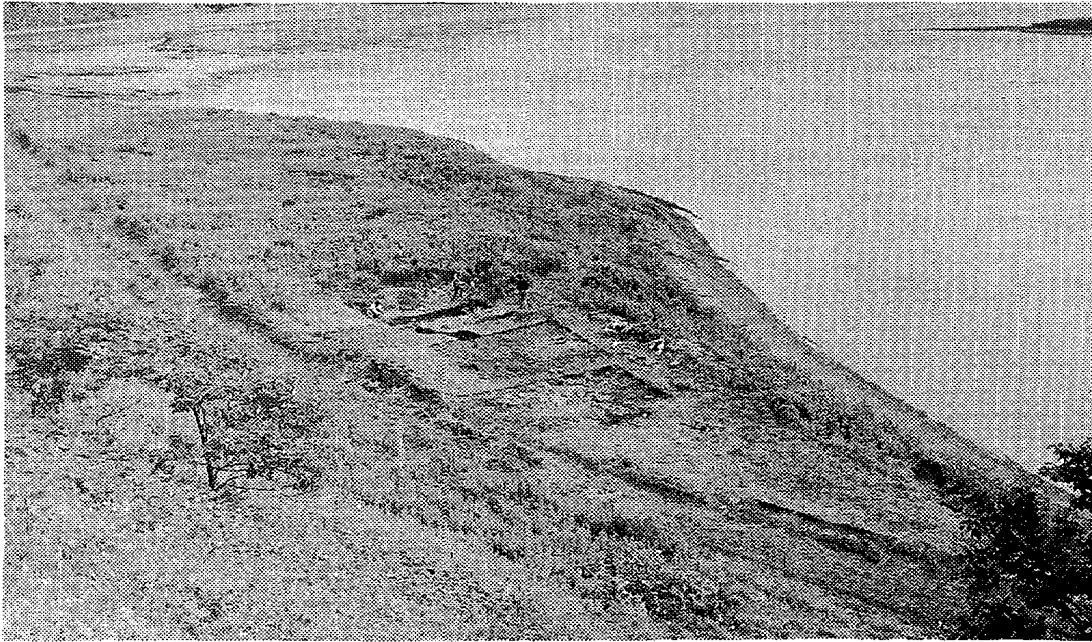

Рис. 1. Общий вид стоянки морских охотников-рыболовов на острове Шикотан.

были отмечены также источники питьевой воды.

Такие условия были благоприятны для адаптации на этой территории человека и обитания в ее пределах малочисленных локальных групп. Они позволяли вести комплексное присваивающее хозяйство, сочетавшее различные формы деятельности, способные в течение всего года обеспечивать существование группы.

Обилие объекта охоты, рыболовства и собирательства и выгодное расположение стоянки обусловили длительность проживания человека в данной местности. Важным было также то, что количество зверя, рыбы и моллюсков на протяжении долгого времени, очевидно, находилось на относительно неизменном уровне. В той же мере в целом не изменялась и демографическая ситуация — численность локальной группы в исторической перспективе, вероятно, колебалась, незначительно. Всякое увеличение населения бухты должно было отразиться на пищевых ресурсах в пределах данной территории.

Памятник представляет собой комплекс, состоящий из округлой

формы углубления диаметром около 7 метров и глубиной примерно 2 метра, являющегося, очевидно, жилищем, и раковинной кучи (т.е. места свалки пищевых отходов) длиной около 40 и шириной 15 метров с разными по толщине слоями раковин, костей морских и сухопутных животных, птиц, рыб, иглокожих и т.п. (от 30 см до 2,5 м около жилища).

Судя по размеру ямы-жилца, здесь жила одна семья (община), единолично пользовавшаяся своими охотничьими и рыболовными угодьями.

Наиболее ранние даты со стоянки в бухте Дельфин (по костям животных) определяются в 2510 ± 20 лет (Ле — 4029 а)¹. Нельзя исключать получения в дальнейшем и более ранних датировок, т.к. материал для анализа был взят выборочно. К тому же в культурных слоях памятника были обнаружены несколько образцов керамики древнеайнской культуры дзёмон, хронологически предшествующей охотской. На основании анализа проб угля были получены другие более поздние радиоуглеродные даты. В частности, одна из этих дат, ближайшая к нашему времени, по абсолютному возрасту равняется 930 ± 40 лет (Ле — 3011). Таким образом, можно констатировать, что люди на месте стоянки жили, возможно, с перерывами, но как минимум на протяжении 1500 лет, а если учесть пробы угля из самых верхних слоев, датированных ближайшим к современности временем, то последние 2500 лет.

При разведке 1985 г. и исследованиях 1987 г. на стоянке было обнаружено шесть погребений: 3 мужских, 1 женское, 2 детских (см. рис. 2).

Наибольший интерес представляет собой первая палеоантропологическая находка экспедиции 1985 г. — костяк мужчины, датированный временем в 2280 ± 20 лет (Ле — 4029 в). Череп и скелет, в отличие от костяков,

1 Данные Лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт материальной культуры Российской академии наук).

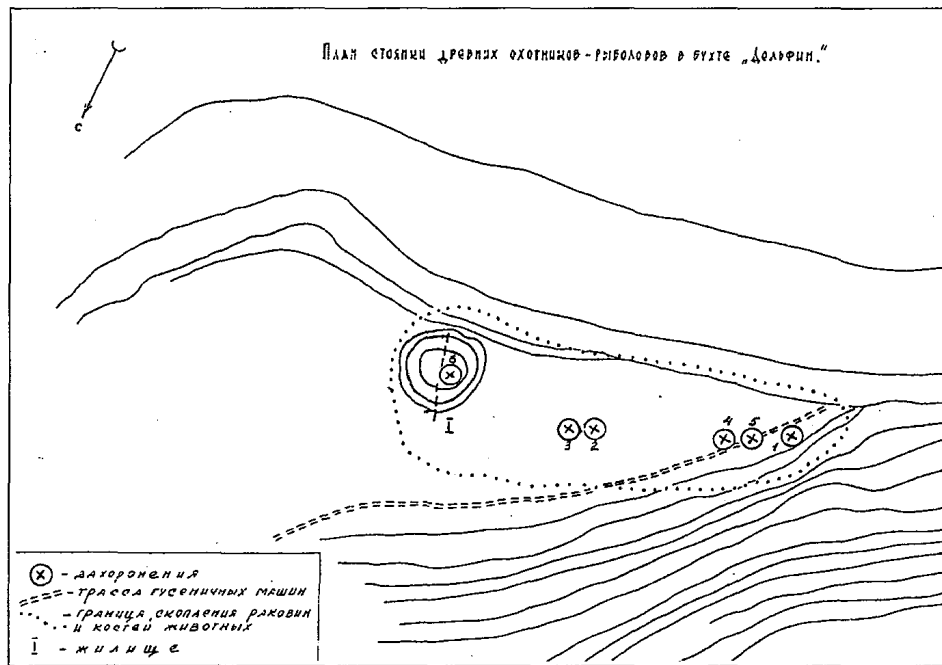

Рис. 2. Схематичное изображение стоянки и палеоантропологических находок.

найденных впоследствии, пострадали от воздействия внешней среды в меньшей степени. Скелет сохранился почти полностью, частично пострадал лишь череп: оказались разрушенными левая теменная и скуловая кости, отсутствуют носовые кости, отмечается небольшая посмертная деформация свода.

Погребенный находился на краю раковинной кучи, в ее юго-западной части, под 20 см слоем дерна и был заложен сверху несколькими крупными плоскими камнями (в диаметре от 30 до 45 см), сконцентрированными в области грудной клетки. Костяк располагался в неглубоком погребении (примерно в 40 см от поверхности земли) без следов могильной ямы в слое раковин, в анатомическом порядке. Скелет поиннадлежал мужчине лет сорока, был ориентирован головой на север и лежал на спине. Ноги были подогнуты к грудной клетке, руки согнуты в локтях. В сопроводительный погребальный инвентарь входили три керамических сосуда — 2 малых и большой, служивший в качестве крышки черепа, очевидно, для того, чтобы

при засыпке погребенного в раковинной куче створки раковин не попадали на его лицо. Большой и один из малых сосудов орнаментированы посредством тонкого налета (керамика такого типа, относящаяся к охотской культуре, в японской археологической литературе получила обозначение “сомэнмон” — орнамент “вермишель”)². Внутри неорнаментированного сосуда были обнаружены кости рыб. Уха, очевидно, предназначалась для умершего в качестве пищи в загробном мире. В непосредственной близости от черепа находились два наконечника стрел, изготовленные из трубчатых костей пернатых. На небольшом удалении от погребения, в пределах расчищенного квадрата (2 × 2 м), в слое раковин оказались нижняя челюсть и череп собаки, предметы из кости: орудия морского зверобойного промысла — гарпуны, среди которых один поворотного типа, наконечники стрел, лопатообразные изделия неизвестного назначения (см. рис. 3). Относились эти предметы к погребальному инвентарю или являлись частью раковинной засыпки, ответить трудно.

Остальные пять костяков были обнаружены во время полевых работ 1987 г. Так же как и костяк, найденный ранее, они датируются примерно рубежом новой эры.

В погребении № 2 на глубине 25–30 см был захоронен мужчина. Костяк лежал на правом боку с согнутыми в локтях руками и подогнутыми к груцной клетке ногами в анатомическом порядке с черепом, лицевой частью

2 Здесь, однако, следует сразу же отметить одно противоречие, заключающееся в том, что погребальная керамика типа “сомэнмон” из погребения № 1, в соответствии с исследованиями японских ученых, датируется более поздним временем, чем относящийся к ней костяк. Керамика с орнаментом “сомэн” ограничивается японскими археологами рамками не ранее примерно середины 1-го тыс. н.э., скорее даже второй половины 1 тыс. н.э. В этой связи можно говорить либо о перепроверке и уточнении дат по костному материалу, либо о пересмотре хронологии памятников охотской культуры.

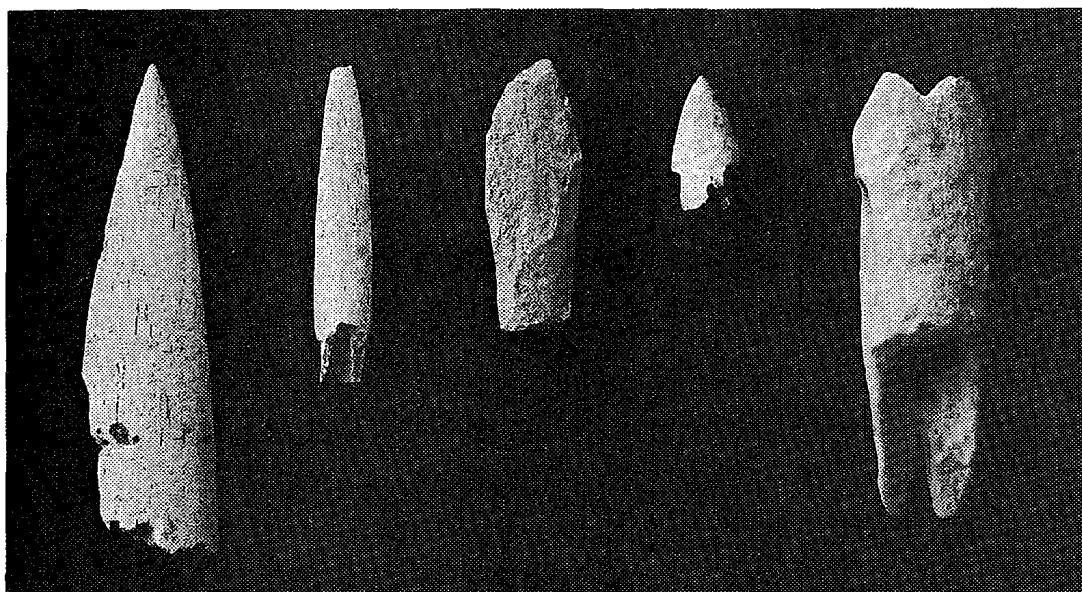

Рис. 3. Костяные предметы из погребения № 1 (гарпун поворотного типа, наконечники копий и стрел).

обращенным кверху. Костяк был сориентирован на север и обложен довольно крупными камнями (длина от 30 до 60 см, ширина от 20 до 40 см). Бедренные (в верхней трети), берцовые (в нижней трети) и тазовые кости находились под камнями. Скелет был засыпан створками раковин. Череп оказался разрушенным полностью и представлен более чем двадцатью фрагментами костей черепного скелета. Нижняя челюсть разломана на две части. Зубы сохранились.

В сопроводительный инвентарь входили железный нож и костяное орудие.

Погребение № 3 — женское (?). Находилось в 1,5 м от погребения № 2. Скелет, располагавшийся на глубине 25–30 см от поверхности земли, был засыпан створками раковин. Анатомический порядок костяка нарушен. Первый шейный позвонок находился на удалении 40 см от черепа. Длинные кости представлены бедренными, берцовыми и плечевыми. Сохранились также несколько ребер, пальцевых фаланг и один позвонок. Все остальные кости, включая нижнюю челюсть, отсутствуют. Судя по концентрации

Рис. 4. Женское погребение № 3.

костей в южной части погребения, костяк был первоначально, очевидно, сориентирован на север (см. рис. 4). Сохранность черепа неудовлетворительная. Лицевой отдел разрушен полностью. Черепная коробка, тем не менее, почти не пострадала (за исключением левой теменной кости).

Сопроводительный инвентарь состоит из железного ножа (в центре фотографии) и железной иглы (рис. 5).

Погребение № 4 является детским. Оно располагалось на глубине 10–15 см, от поверхности земли. При расчистке захоронения обнаружен только череп. Кости скелета отсутствуют. Судя по положению черепа, костяк был сориентирован на север. Обложен камнями и костями крупных морских животных, засыпан створками раковин. Сохранность черепа неудовлетворительная. Вследствие того, что он находился непосредственно на трассе гусеничных машин, череп оказался полностью разрушенным. Нижняя челюсть представлена тремя фрагментами. Сохранилось несколько зубов.

Сопроводительный инвентарь — два круглых костяных орнаментиро-

РАКОВИННАЯ КУЧА ОХОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСТРОВЕ ШИКОТАН 153

ванных диска с отверстиями посередине, костяной игольник (?), наконечник стрелы из обсидиана (рис. 6). Вблизи от черепа были обнаружены фрагменты керамики и уголь.

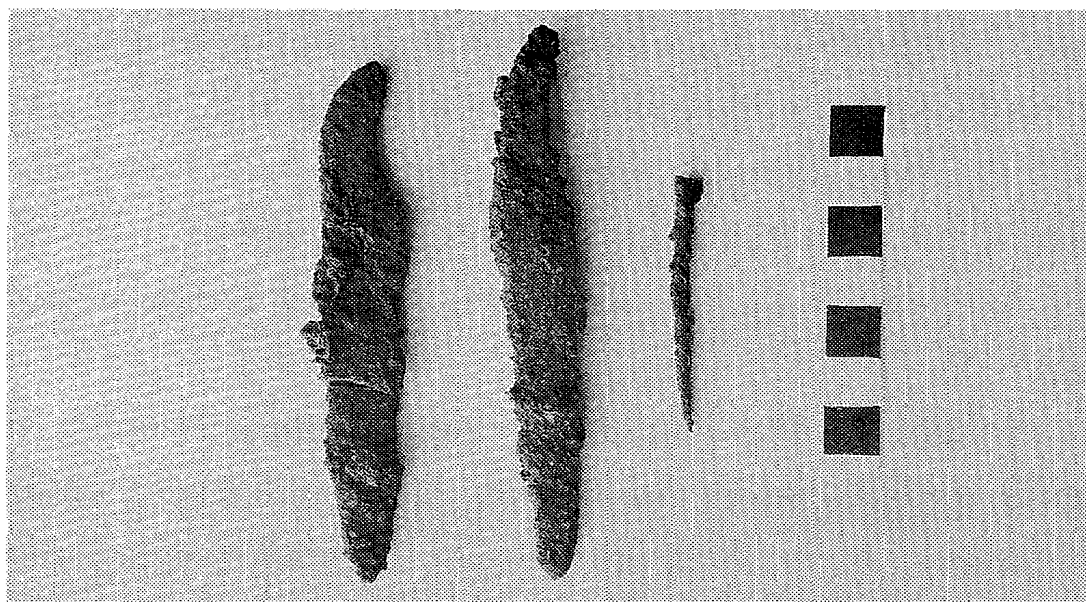

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь из погребения № 3 (железные ножи, шило).

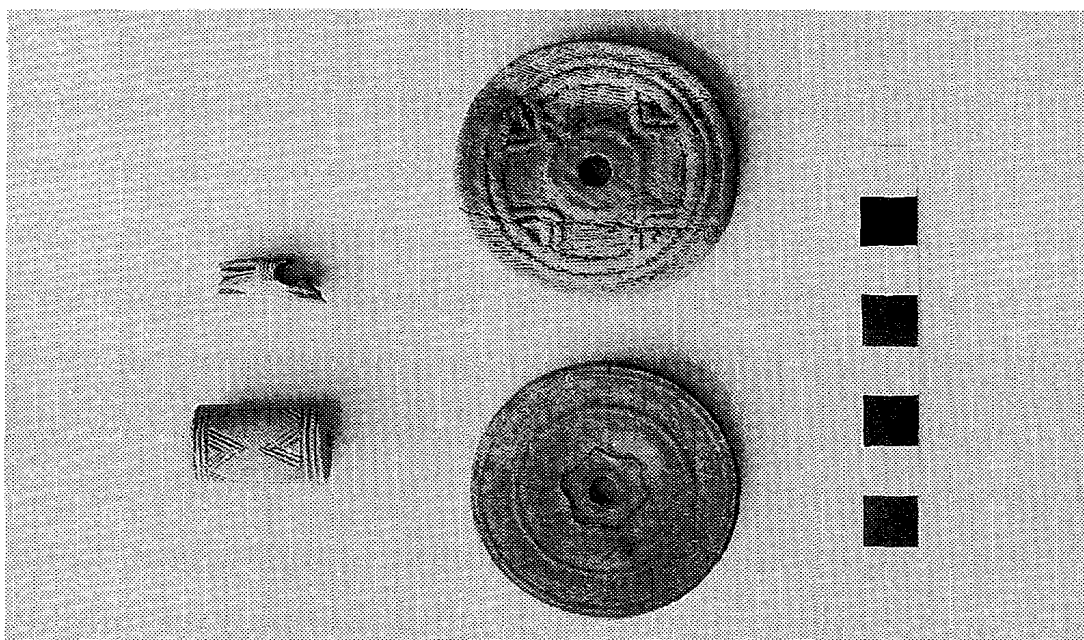

Рис. 6. Инвентарь из погребения № 4 (изделия из кости).

Погребение № 5, как и № 4, — детское (возраст примерно 4–5 лет). Обнаружено в 2,5 м от погребения № 4. Скелет ребенка находился в 10–15 см от поверхности почвы. Ориентирован на северо-запад. Костяк находился в анатомическом порядке и лежал на спине на костях крупных морских животных. Несмотря на то, что многие кости скелета отсутствуют, можно предположить, что у погребенного руки были согнуты в локтях, а ноги подогнуты к грудной клетке. Об этом свидетельствует положение таза, длинных костей и пальцевая фаланга руки, обнаруженная около головы. Скелет был обложен камнями и засыпан створками раковин и рыбьими костями.

Сохранность костяка неудовлетворительная, вследствие того, что он находился непосредственно на трассе. Череп разрушен полностью. Нижняя челюсть состоит из ряда фрагментов. Сохранились несколько зубов нижней челюсти, а также кости таза, длинные кости.

Около черепа обнаружены фрагменты керамики с тонким налепом (возможно, погребальной) и костяное орудие неизвестного назначения. В нижней части погребения найден обсидиановый наконечник стрелы. Поблизости была взята проба угля.

В центре ямы (жилища) было обнаружено мужское погребение № 6. Анатомический порядок костяка нарушен. Нижняя челюсть и первый шейный позвонок лежали в 20 см от черепа. В погребении обнаружены длинные кости — бедренные, берцовые, плечевые (плечевые кости в нижней трети обломаны), фрагменты ребер. Тазовые кости и позвоночник отсутствуют. Зубы, находившиеся рядом с черепом, были рассеяны на площади приблизительно в 1 кв.м.

Костяк был обложен несколькими камнями среднего размера, костями крупных морских животных (в том числе лопаткой китообразного) и засыпан створками раковин морского гребешка и мидий. Костяк лежал головой на

Рис. 7. Керамический сосуд из погребения № 6.

север.

Сохранность черепа неудовлетворительная. Лицевой отдел поврежден. Черепная коробка разломана и состоит из 4-х больших фрагментов.

На небольшом расстоянии от погребенного была найдены костяная часть гарпуна поворотного типа, костяное орудие неизвестного назначения, керамический сосуд (см. рис. 7), обсидиановый наконечник стрелы и похожий на ложку предмет, по всей видимости, культовый, входящий, очевидно, в состав погребального инвентаря (см. рис. 8). На лицевой поверхности “ложки” искусно вырезанной из кости, скульптурно изображена лисица (или енотовидная собака), вытаскивающая из воды нерпенка. Этот предмет свидетельствует о чрезвычайно развитом художественном восприятии действительности обитателями данной локальной общности и, несомненно, представляет собой истинное произведение древнего искусства.

Такого рода предметы уже были обнаружены в свое время при исследовании раковинных куч на Курилах. По мнению японских исследователей, эти костяные “ложки” использовались так же, как и айнские “икуниси” — культовые предметы, применяемые при “камуиноми” — почитании духов.

В северной части жилища, на расстоянии 4 м от костяка, находилась “мастерская” по изготовлению каменных наконечников стрел. Вокруг одиночного продолговатого камня, лежащего на полу жилища, было сконцентрировано 16 наконечников стрел, обработанных техникой отжимной ретуши (рис. 9).

Остатки палеофауны, обнаруженные в слоях раковин памятника, пре-

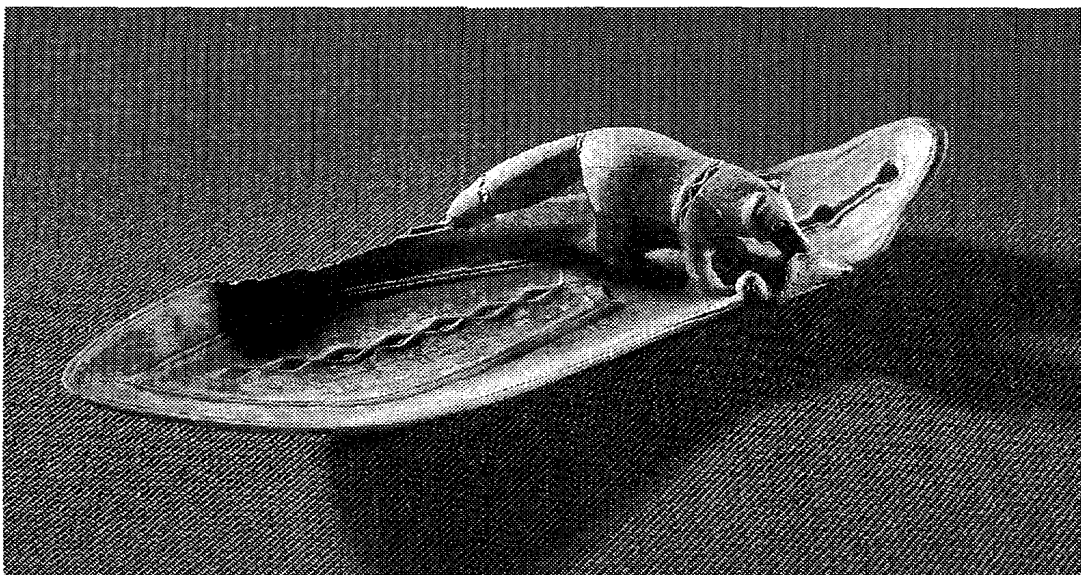

Рис. 8. Культовый предмет (“ложка”) из погребения № 6.

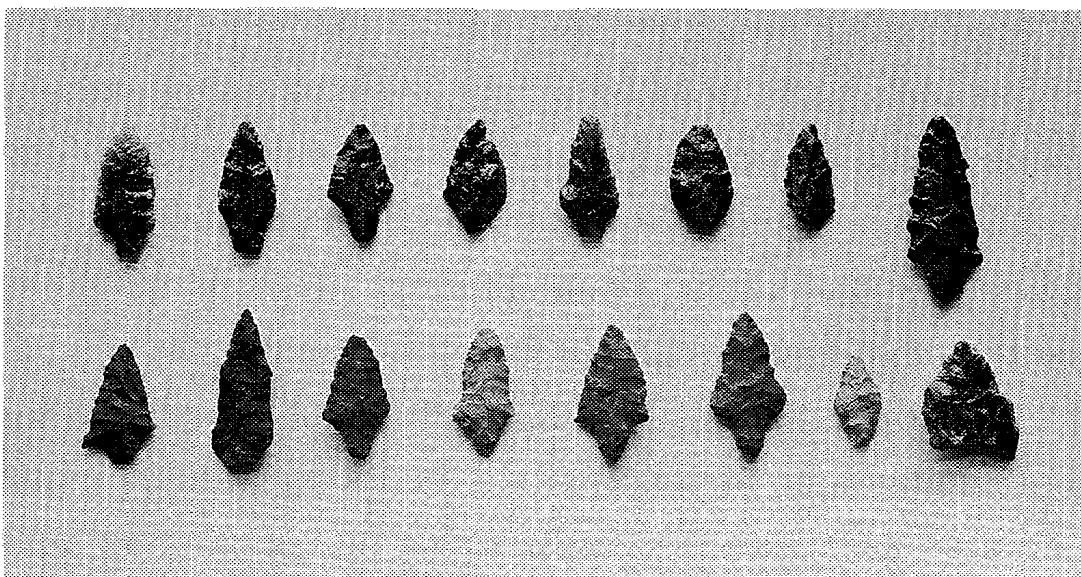

Рис. 9. Наконечники стрел, обнаруженные в жилище.

доставлены костями морских и сухопутных животных. Особенно много костей, в основном костей крупных животных, зафиксировано около погребений; ими обкладывали захороненных. В стороне от погребений количество костей убывает и появляется больше обломков керамики. В центральной части раковинной кучи сотрудниками экспедиции был найден позвоночник небольшого кита. Позвонки располагались в анатомическом порядке и были обложены (?) довольно крупными камнями, подобно тому, как это было сделано с костяками людей. Череп и нижняя челюсть, вероятно этого же китообразного, находились в другом месте — в жилище, в его южной, ближней к воде части, под почти полуметровым слоем раковин мидий и морского гребешка. Череп кита был сориентирован (?) в северном направлении. В раковинной засыпке рядом с погребением № 1 найдены кости крупных ластоногих. В юго-западной части жилища из слоя раковин были извлечены череп сивуча, череп небольшого и нижняя челюсть крупного медведей. На стоянке также были обнаружены несколько черепов собак, возможно, употреблявшихся, как у айнов, в пищу, череп лисицы, кости зайца и большое количество костей различных пернатых.

Таким образом, судя по костям морских и сухопутных животных, обитатели стоянки вели приморский образ жизни, ориентированный на морской зверобойный промысел, и сезонно или в свободное от морской охоты время занимались промыслом лесного зверя и птицы. Свидетельством охоты на морских животных являюся обнаруженные рядом с мужскими захоронениями гарпуны поворотного типа, которые с древности (приблизительно начиная уже с 5 тысячелетия до н.э.) были широко распространены на территории Хоккайдо, и многочисленные каменные (рис. 10) и костяные (полые внутри, изготовленные из трубчатых костей орнитофауны) наконечники стрел. Охота на китообразных и ластоногих осуществлялась, скорее всего, с лодок-долбленок с нарощенными, как у айнов, бортами, в море и бухтах юго-

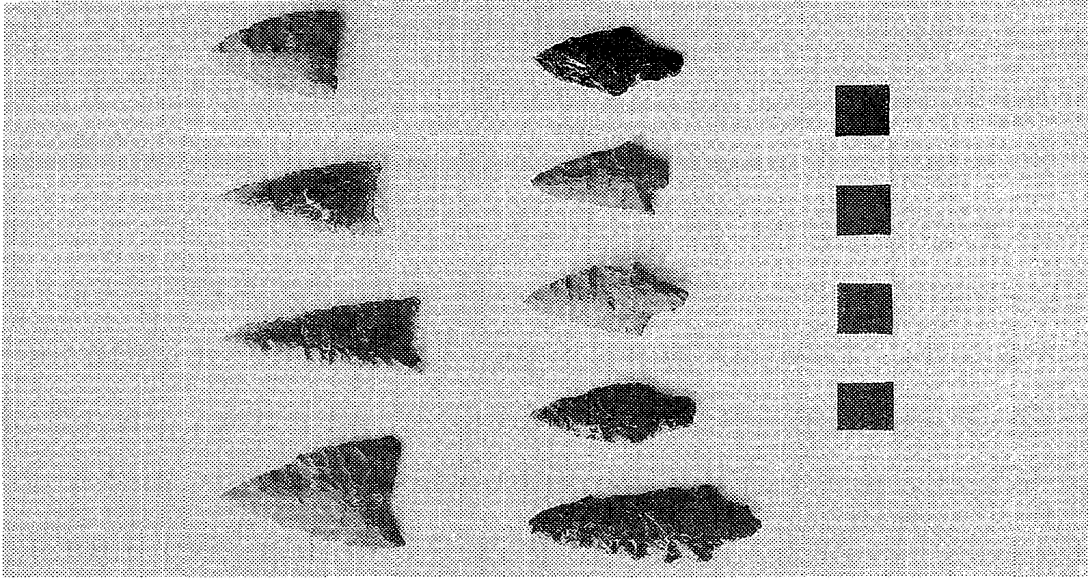

Рис. 10. Наконечники стрел, найденные при расчистке раковинной кучи.

западной части острова. Охотились не только посредством гарпунов, но, вероятно, и с помощью, стрел, отравленных ядом аконита, ряд видов которого произрастает на Курильских островах, в том числе и на Шикотане.

С сезонным хозяйственным циклом было связано рыболовство. Во время массового рунного хода рыбы лососевых пород ее ловили сетями. Подтверждают такой вывод большие каменные грузила с выбитыми на них канавками для фиксации веревок, сплетенных, очевидно, из волокон крапивы.

Собирательство продуктов моря в зоне шельфа, по айским этнографическим аналогиям, являлось больше женским занятием, хотя в сборе морской капусты и добыче морского гребешка принимали участие мужчины. На первом месте в пищевом рационе обитателей стоянки были раковины типа мидий. Створок этих раковин в куче большинство. Много, особенно около жилища, раковин морского гребешка и других моллюсков. Рядом с ямой жилища слой створок раковин морского гребешка и мидий достигает 2–2,5 метров. Слои створок раковин морского гребешка и мидий чередуются. Очевидно, это зависело от сезонного сбора различных видов моллюсков.

Многочисленные фрагменты глиняной посуды, которыми насыщены

культурные слои памятника, свидетельствуют о развитой керамической традиции обитателей бухты и о количестве производимых сосудов, широко применявшихся в повседневной жизни. В подавляющем своем большинстве керамика напоминает либо идентична образцам керамики охотской культуры (см. рис. 11, 12). Вместе с тем, как уже упоминалось, на стоянке зафиксировано несколько обломков керамики типа дзёмон.

В раковинной куче был найден ряд костяных орудий, изготовленных из толстых стенок трубчатых костей крупных животных (рис. 13). Назначение их не совсем ясно. Эти орудия, скорее всего, использовались в домашнем быту, могли иметь полифункциональное значение. Возможно, их использовали при изготовлении керамических сосудов.

Полученные данные, таким образом, подтверждают, что памятник в бухте Дельфин по основным признакам (элементы культуры, особенности хозяйственной деятельности и др.) действительно принадлежал населению охотской культуры.

Наличие в культурных слоях изделий из железа (в составе погребального инвентаря погребений № 2 и № 3) говорит о внешних контактах обитателей бухты с более развитыми обществами Дальневосточного региона. Не исключено, что такие отношения опосредованно поддерживались с Приморьем и Маньчжурией. Металлические орудия у населения острова являлись, вероятно, предметом обмена (меновая торговля). Большинство обнаруженных на стоянке каменных наконечников стрел изготовлено из обсидиана. Отщепы обсидиана, попадающиеся в слоях раковин, свидетельствуют об обработке орудий на стоянке. Однако обсидиан на Шикотане — привозной, что также может говорить об обмене.

Размер жилища позволяет в общих чертах восстановить некоторые детали социальной организации, примерную численность локальной общины охотников-рыболовов. Обитатели стоянки жили в этом месте, здесь же и

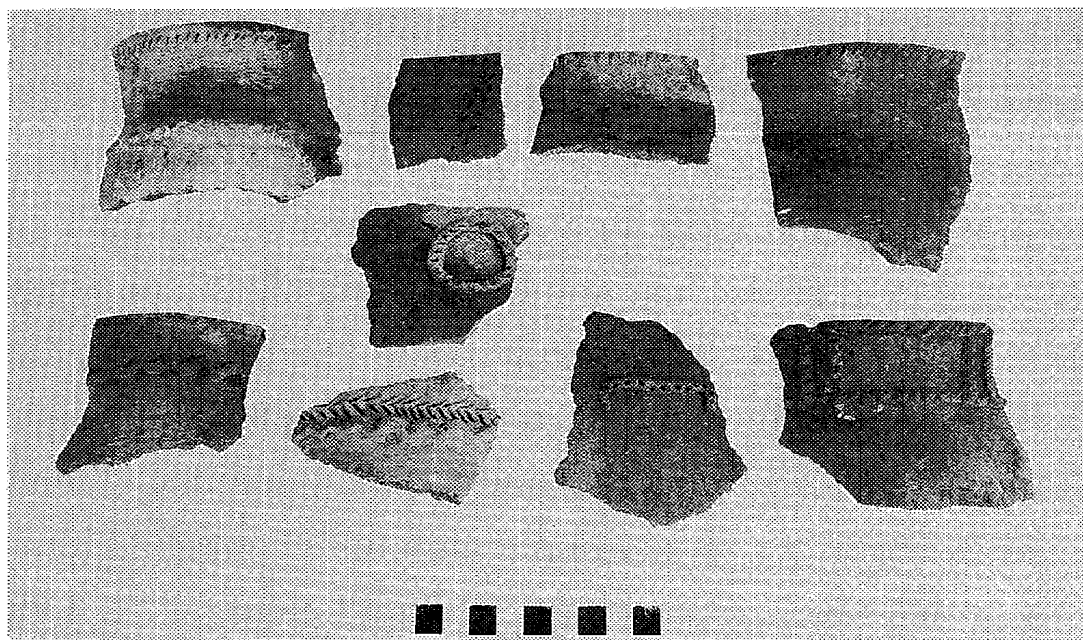

Рис. 11. Образцы керамики, обнаруженные в раковинной куче.

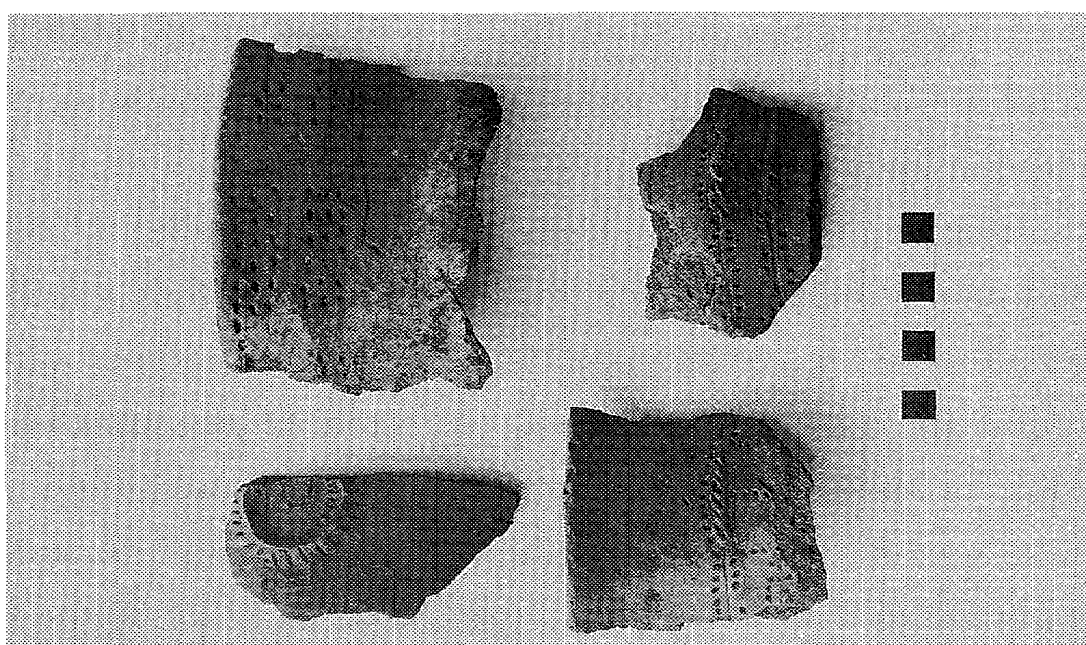

Рис. 12. Образцы керамики, из раковинной кучи.

умирали. Возможно, стоянку после смерти кого-либо из общинников покидали, но через определенное время люди возвращались на удобный мыс.

Ряд особенностей обнаруживает в традициях населения стоянки влияние культуры предков айнов. Способ захоронения (в раковинной куче, в

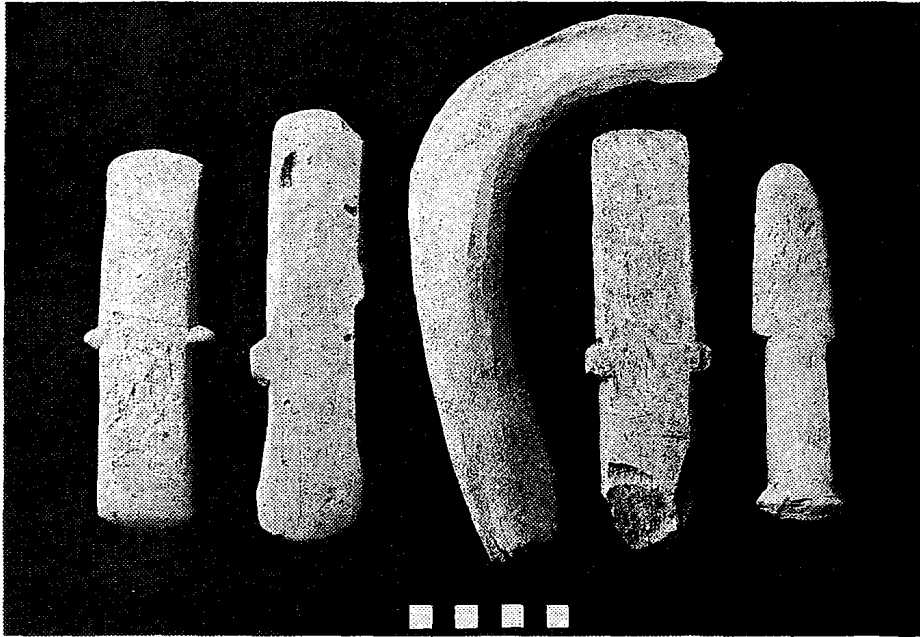

Рис. 13. Костяные предметы, обнаруженные при расчистке раковинной кучи.

скорченном положении, с ориентацией на север, с керамическим сосудом на голове и т.д.), сопроводительный инвентарь, орудия, найденные при раскопках, позволяют сравнивать элементы культуры охотцев и айнов.

В итоге, полученные материалы, хотя и в общей форме, все же дают возможность реконструировать хозяйство и образ жизни древних обитателей бухты.

Намного сложнее определить расовую и этническую принадлежность носителей охотской культуры о.Шикотан. Прежде всего, это затруднительно в связи с немногочисленностью палеокраниологического материала и его сохранности. Из шести обнаруженных в раковинной куче черепов более-менее удовлетворительное состояние имеет только череп из погребения № 1³. Два костяка, как уже упоминалось, были почти полностью уничтожены трассой гусеничных машин. Два других, вследствие того, что погребе-

3 Череп из погребения № 1 реставрирован и в настоящее время хранится в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

нные находились на небольшой глубине от поверхности почвы, были разрушены, очевидно, животными, нарушившими анатомический порядок в захоронениях.

Не менее трудно делать заключение об антропологическом типе охотцев в целом. Результат может зависеть от конкретной краниологической серии, района расселения той или иной локальной группы, времени захоронения и т.д.

Предварительный анализ шикотанского палеоантропологического материала, включавший рассмотрение ряда краниоскопических признаков, наиболее ценных для классификации народов Дальнего Востока, и сравнение этого материала с другими черепами охотской культуры (в основном из позднего времени местонахождения охотской культуры Омисаки с о.Хоккайдо), показали противоречивую картину. По двум наиболее ценным для классификации народов Дальнего Востока краниоскопическим признакам (частоте подглазничного узора типа П и частоте заднескулового шва) суммарная охотская серия сближается с черепами тунгусо-маньчжуров Амура, особенно современных нанайцев и ульчей (Yamaguchi, 1975; Ishida, 1988). Это сходство находит объяснение в материалах археологических исследований исторических типов охотской культуры. Данные археологии свидетельствуют о проникновении во второй половине 1 тыс. н.э. на островные территории носителей мохэсской культуры. По частоте разделенного подъязычного канала охотцы показывают близость к палеоазиатским этносам Дальнего Востока — нивхам (Kozintsev, 1990). Правда, на уровне современных исследований еще не ясно, были ли тунгусо-маньчжуры и нивхи генетически родственны друг другу или нет. Возможно, эта близость между нивхами и тунгусо-маньчжурами является результатом интенсивной метисации в пределах территорий Нижнего Амура. Во всяком случае, нивхи в краниологическом отношении в настоящее время изучены недостаточно из-за крайней малочисленности да-

нных. По частоте надглазничных отверстий наблюдается отчетливое сходство охотцев с айнами⁴. Кроме последнего краниоскопического признака, айнская примесь прослеживается также по одонтологическим особенностям. По характеристике зубной системы шикотанский материал больше сходен с черепами населения культуры дзёмон, нежели жителей северо-востока Азии (например, чукчей, алеутов, эскимосов)⁵. Сходства с эскоалеутами по краниоскопии также зафиксировано не было.

Результаты краниологического исследования, таким образом, не противоречат гипотезе о преобладании у охотцев амурского (тунгусо-маньчжурского) компонента и наличии у них айнской примеси.

Однако при анализе палеоантропологических материалов с о.Шикотан и находок с севера Хоккайдо опять-таки ни в коем случае не следует забывать о практически единичной шикотанской находке. Череп с о.Шикотан в общей массе охотских черепов составляет всего лишь 3%, что не может оказать существенного влияния на общие выводы. Требуются новые краниологические серии и их изучение.

В общих чертах картину этнической истории территорий распространения охотской культуры можно представить следующим образом. Очевидно, проникновение континентального населения, сформировавшего эту культуру, на острова осуществлялось в несколько этапов. Тунгусоязычные группы, появившиеся в бассейне Амура в эпоху позднего неолита и в начале новой эры (см.: Василевич, 1969, с. 258), ассимилировали и частично вытеснили приморских оседлых жителей на север, по побережью Охотского моря, и восток — на о.Сахалин. Возможно, это были общности, предки которых прежде расселялись намного южнее мест современного обитания, говорившие на

4 Устное сообщение А.Г. Козинцева (Музей антропологии и этнографии РАН).

5 Устное сообщение К.Г. Тернера (Университет штата Аризона, США).

чукотско-камчатских языках. Субстрат этих языков сохранился в языках тунгусо-маньчжуров низовьев Амура, о чем уже упоминалось выше. Донивхский субстрат некоторые исследователи прослеживают в топонимике Нижнего Амура и Сахалина (Крейнович, 1973, с. 48–49; Народы Дальнего Востока, 1985, с. 50 ичр.). К сожалению, определить, что это было за население, с большей точностью пока чрезвычайно трудно из-за крайней малочисленности материалов смежных с этнографией наук. С территории Сахалина пришлые группы начали расселяться на Хоккайдо и Курильские острова, где при соприкосновении с аборигенами островов — предками айнов, под влиянием географических условий складывались локальные формы охотской культуры, по своим особенностям близкие культуре предков айнов.

Последующая экспансия тунгусо-маньчжурских общностей, происходившая в I — нач. II тыс. н.э. на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Сибири, с одной стороны, способствовала дальнейшему вытеснению предков нынешнего чукотско-камчатского населения на северо-восток, с другой — давала, очевидно, островным территориям собственно тунгусоязычное население. Последними его представителями, проникшими несколько веков назад на Сахалин, являются ороки и эвенки.

Небольшие по численности материковые группы, достигавшие островов, в процессе этнических контактов с более многочисленными коренными жителями воспринимали древнеайнскую культуру, внося вместе с тем в язык предков айнов Сахалина, Курил и Хоккайдо тунгусо-маньчжурские элементы (скорее всего, именно этим обстоятельством можно объяснить наличие в айнском языке тунгусо-маньчжурских соответствий) и воздействуя на антропологический тип островных аборигенов (в большей степени на айнов Сахалина). В результате постоянной ассимиляции и аккультурации мигрантов предками айнов охотцы полностью растворились в айнской среде и практически не дошли до нашего времени в качестве самостоятельного этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (ХУШ — начало XX вв.). Ленинград, 1969.
2. Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск, 1976.
3. Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. Москва, 1973.
4. Народы Дальнего Востока СССР в ХУП — XX вв. Москва, 1985.

-
1. Маэда Усио. Охоцуку бунка-но тэнкай то тиики сэй. — Симподзиуму охоцуку бунка-но сёмондай. Токио, 1982.
 2. Ои Харуо. Охоцуку сики доки-ни цуитэ. — Онкороманаи каидзука. 1973.
 3. Симподзиуму охоцуку бунка-но сёмондай. Токио, 1982.
 4. Фудзимото Цуёси. Охоцуку доки-ни цуитэ. — Кокогаку дзасси. Т. 51, № 4, 1966.

-
1. Aikens C. Melvin, Higuchi Takayasu. Prehistory of Japan, New York, London, Toronto, Sydney, San Francisco, 1982.
 2. Ishida H. Morphological Studies of Okhotsk Crania from Omisaki, Hokkaido, — Journal of the Anthropological Society of Nippon, vol. 91, No. 1, 1988.
 3. Kozintsev, A. Ainu, Japanese, their Ancestors and Neighbours: Cranioscopic Data. — Journal of the Anthropological Society of Nippon, vol. 98, No. 3, 1990.
 4. Yamaguchi B. Cranial Features of the Okhotsk Culture People. Sea Mammal; Hunters: Origin of the Okhotsk Culture. — Dorumen, 1975, No. 6.